

ЖИГАРЕВ ЕВГЕНИЙ СЕМЕНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия)

office@unity-dana.ru

ВРЕДНЫ ЛИ РЕЛИГИОЗНЫЕ ЗНАНИЯ ДЛЯ КРИМИНОЛОГИИ?

Аннотация. Статья посвящена важному вопросу, касающемуся внедрения в науку криминологии иных знаний нематериалистического характера. Ученые-криминологи, участвующие в формировании советской криминологии, опирающейся на методологию монистического учения марксизма вообще и диалектического материализма в частности, безосновательно считают недопустимым использования религиозных знаний, а именно христианской антропологии. Автор же полагает, что материалистическая криминология, рассматривающая личность преступника с узких социальных позиций как совокупность общественных отношений, не может удовлетворить нынешнюю постсоветскую теорию. Знания же гуманитарных наук религиозного направления могут только расширить представление о человеке, совершившем преступление.

Ключевые слова: христианская религия, атеизм, диалектический материализм, категории «общее» и «особенное», личность преступника, вера (религиозная и научная), наука криминологии

Для цитирования: Жигарев Е.С. Вредны ли религиозные знания для криминологии? // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 1(73). – С. 120-128; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-1-120-128>.

ZHIGAREV EVGENY S.

Doctor of Law, Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot (Moscow, Russia)

IS RELIGIOUS KNOWLEDGE HARMFUL TO CRIMINOLOGY?

Abstract. The article is devoted to an important issue concerning the introduction of other non-materialistic knowledge into the science of criminology. Criminologists participating in the formation of Soviet criminology, based on the methodology of the monistic teaching of Marxism in general and dialectical materialism in particular, groundlessly consider the use of religious knowledge, namely Christian anthropology, to be unacceptable. The author believes that materialistic criminology, which considers the personality of a criminal from narrow social positions as a set of social relations, cannot satisfy the current post-Soviet theory. Knowledge of the humanities of a religious nature can only expand the understanding of a person who has committed a crime.

Keywords: Christian religion, atheism, dialectical materialism, categories of “general” and “particular”, personality of the criminal, faith (religious and scientific), science of criminology

For citation: Zhigarev E.S. *Is religious knowledge harmful to criminology?* // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2025. № 1 (73). P. 120-128; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-1-120-128>.

Данный вопрос далеко не риторический, но для некоторых криминологов, методологически сформировавшихся под воздействием марксистского учения диалектического и исторического материализма, скорее принципиальный. К сожалению, среди криминологов, в первую очередь старшего поколения, и сейчас, во времена идеологического многообразия (ч. 1 ст. 13 Конституции РФ) и свободы слова (ч. 1 ст. 29), а также свободы творчества и преподавания (ч. 1 ст. 44), к месту будет напомнить и о ст. 148 УК РФ, находятся ученые, которые действительно страшатся проникновения религии в науку, предсказывая углубление раскола (как будто он уже есть) между представителями разных религий, и предупреждают криминологов о недопустимости использования религиозных подходов в науке криминологии.

Однако интересно, что больше всего волнует этих ученых – страх проникновения религиозной точки зрения на личность, совершившей грех (преступление), или же надуманный раскол среди представителей различных религиозных конфессий, который чудится этим авторам, как в свое время виделся классикам марксизма призрак коммунизма. Но где сейчас коммунизм? А христианская вера здравствует уже третье тысячелетие.

Но учение марксизма и его материалистическая диалектика небесспорны. Это обстоятельство глубоко проанализировано еще русским философом Н.А. Бердяевым, который в отношении диалектического материализма сказал, что «не может быть диалектики материи – это нелепое сочетание, а диалектика предполагает логос, смысл, возможна лишь диалектика мысли и духа. Но Маркс перенес свойства мысли и духа в недра материи» [1, с. 82]. Возникновение диалектического и исторического материализма привело к так называемому научному (воинствующему и торжествующему) атеизму как неотъемлемой части мировоззрения пролетариата [2, с. 83].

Однако эта ненависть к христианской религии включает в себе очевидное противоречие. Ибо, требуя великого самопожертвования, проявления бескорыстного энтузиазма от населения, вожди советского государства, конечно, знали, что это возможно только вследствие долгого христианского воспитания российских человеческих душ. Ведь результаты вековых влияний христианской религии на человеческие души остаются и тогда, когда под идеологическим натиском люди отказывались от христианства, а некоторые становились и его врагами, но на подсознательном уровне все это, к счастью, остается. И если допустить, что антирелигиозная пропаганда может окончательно истребить дух христианства, то нужно знать, что с ним и погибнет российское государство, т. к. только на общечеловеческих вечных ценностях оно может покоиться и развиваться.

Согласно точке зрения русского религиозного философа С.Н. Булгакова, задача христианина как раз и состоит в том, чтобы «в меру сил и исторических возможностей содействовать тому, чтобы подчинить государственного Левиафана¹ христианским задачам, стремиться к его внутреннему просветлению, заставляя его служить христианским идеалам» [3] и нравственно-духовным ценностям.

В этой связи уместно напомнить Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В нем отмечено, что особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит *православию* (выд. кур. Е.Ж.).

Марксистский же атеизм всегда идет рука об руку с ненавистью, т.к. считает зло путем к добру. Новое общество и новый человек якобы рождаются от нарастания зла и тьмы; душа нового человека образуется из отрицательных аффектов, из ненависти, мести и насильничества. Это демониакальный элемент в марксизме и считается диалектикой. Зло диалектически переходит в добро, а тьма – в свет. Например, В.И. Ленин объявлял нравственным все, что способствует пролетарской революции, другого определения добра он не приводил. Отсюда вытекает, что цель оправдывает средства, а из этого

¹ Левиафан – в Библии (в книге Иова) – огромное морское чудовище, изображенное как сила природы, принижающая человека.

постулата следует, что нравственный момент умирает, так как он в человеческой жизни теряет всякое самостоятельное значение.

Однако зададим себе вопрос: что является целью науки криминологии? Наверное, не ошибусь, если скажу за всех криминологов, что в широком смысле – это познание истины. Но и учение христианства направляет человека на познание истины. К этому нас призывает Сам Господь Иисус Христос: «... познайте истину. И истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). Значит, криминологическое познание и познание религиозное не должны враждовать между собой, если они направлены к одной цели. Если криминология и религия христианства преследуют одну цель, то разъединить их может только один вопрос – каким путем осуществить познание?

Согласно точке зрения советских криминологов, марксистско-материалистический путь в трактовке сущности человека и по аналогии его личности «совокупностью всех общественных отношений» правилен, а объяснение этих же вопросов с позиции православной антропологии неверно. Получается, что эти криминологи не позволяют другим криминологам мыслить иначе. Поэтому иное мнение криминологов, которые придерживаются теории креационизма – альтернативной теориям эволюционизма и дарвинизма – считают крамольным. Но они тем самым лишают религиозных криминологов перечисленных конституционных прав и свобод. Смело, но безрассудно.

Упор криминологов-материалистов на то, что в других религиях не говорится о первородном грехе, являющимся онтологической основой порочности человеческой природы, – это ширма, за которую эти криминологи хотят скрыть принципиальный вопрос, что произошло на самом деле: эволюция неорганической материи (неживой) в органическую (живую) материю; эволюция обезьяноподобных животных, из которых впоследствии образовался человек, или же божественное творение внешнего мира и человека в нем? Разумеется, ответа на него нет ни у естествоиспытателей, и тем более у криминологов. В этой связи каждый человек вправе принять ту или иную концепцию на веру в зависимости от его мироощущения. Ведь запрет на оппонирование марксизму снят, и каждый криминолог в меру своего понимания марксистской философии вправе возразить и учению диалектического материализма и аргументированно, и обоснованно назвать ее голой теорией, а не апофеозом развития философской мысли.

Однако, чем же так напугали материалистов верующие в божественное творение криминологи, пытающиеся под идеалистическим углом зрения ее рассмотреть, как альтернативную эволюционной теории. Конечно, нужно в этом разобраться.

Надо сказать, что до радикальных марксистов все философы, в том числе и материалисты, в понимании общества и социальной жизни были идеалистами, поскольку останавливались на констатации того факта, что в отличие от природы, где действуют слепые силы, в обществе действуют люди – существа сознательные, руководствующиеся в своих действиях идеальными побуждениями и субъективными законами. Кстати, Вольтер, считавший, как и марксисты, что сознание – свойство материи, присущее только живым телам. Но для доказательства этого положения он приводил теологический аргумент, что наделил материю способностью мыслить Бог. В этой связи Вольтер говорил: в мнении, что Бог существует, имеются свои трудности, но в противоположном мнении наличествует абсурд. Если буквально, то его слова следующие: «В мысли о существовании Бога есть свои трудности; однако в противоположной мысли содержатся просто нелепости...». Существование Бога, таким образом, для Вольтера был вопросом не веры, которую он отождествлял с суеверием, а неизбежный вывод разума.

Вольтер допускал божественное происхождение морали: Бог наделил людей разумом и нравственными наклонностями; развиваясь, они приводят к появлению морали. Резко критикуя ряд догматов христианской веры, Вольтер, тем не менее, считал атеизм учением, ведущим к опасным социально-политическим последствиям, ибо, по его мнению, всякий социальный порядок основывается на религии. В этом контексте следует понимать известную его фразу: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать» [4, с. 288-289], то есть он не сомневался в необходимости Бога. Автор данной статьи считает отношение Вольтера к религии объективным, выверенным и непредвзятым.

Позволив себе голословно обвинить Русскую православную церковь, якобы вмешивающуюся в политическую жизнь страны, образование и воспитание, авторы этого обвинения не раскрыли сущности приносимого вреда христианским воспитанием. Поэтому эта легковесная «страшилка» оказалась всего-то обыкновенной «пустышкой».

Религия, по мнению криминологов-материалистов, не может быть полезной криминологии, так как это два разных уровня познания. С последним выводом нельзя не согласиться. Действительно религиозное познание – это высший уровень, который дан не каждому. В этой связи апостол Павел говорит: «... кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор. 8:3). Не потому ли часть великих открытий и изобретений принадлежит тем, которые были и великими учеными, и великими христианами. Наука без религии, позволю себе высказаться высокопарно, что небо без солнца. А наука, облеченная светом религии, – это вдохновенная мысль, пронизывающая ярким светом тьму этого мира. «Я – свет миру. Кто последует за Мной, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни», – так говорит Христос (Ин. 8:12). И теперь понятно, почему в жизни ученых религия играла такую выдающуюся роль.

На пороге Нового время ученые не нуждались в каком-то особом «научном» мировоззрении. Ученые-новаторы от Коперника до Ньютона были глубоко укоренены в религиозном мироощущении, их мировоззрением было христианство. Декарт как христианин для построения своей системы вводит нерациональные для ученого факторы о Боге. Даже связав протяжение с движением с помощью закона инерции, он все равно для законченности теории нуждался в первоисточнике (в некой силе) – им для Декарта представлялся Бог. А высшей целью в ньютоновской науке, по мысли А. Койре, также являлся не человек, а Бог, являющийся мерой всех вещей [5, с. 215].

Эмпирическая криминологическая наука базируется на законе причинно-следственных отношений, существование которого не может быть доказано рациональной логикой, он не поддается рациональному объяснению и обоснованию. Этот закон просто постулируется без доказательств, легко воспринимаемым умозаключением, принимающим на веру, что в природном мире все исполняется эмпирически, причинно. Его также признает и христианское мышление: если есть чудо, нарушающее природное течение жизни, значит есть что нарушать, следовательно, есть жесткий базис причинности.

В этой связи можно привести парадокс, который выявил автор «Заяющих высот» А. Зиновьев. Еще в конце 40-х годов прошлого столетия он обратил внимание на ленинское определение материи. «Материя, – писал В.И. Ленин, – есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его...» [6, с. 131] Богом, – добавлял Зиновьев это недоговоренное Лениным слово. В самом деле, если исправить грамматическую неполноту этого определения, все становится на свои места: материя действительно дана человеку Богом. Если материя есть, если она дана, то значит должен быть тот, кто ее дал. По сути, Ленин своим определением материи невольно поставил вопрос: кем же дана материя?

В дальнейшем из этого казуса апологеты учения марксизма-ленинизма вышли весьма простым способом, объявив, что материя вечна и бесконечна. А чтобы не вести разговора о законе причинности, усматривающего наличие законодателя, они заявили, что «природа развивается, достигая высших своих форм, включая жизнь и мыслящую материю, не из потусторонней силы, а по причинам, заложенным в ней самой, в ее законах» [7, с. 130].

Однако их же язык опять не дает им соврать. Термин «заложенным» предполагает наличие посторонней силы, которая заложила в природу соответствующие законы. Рациональная логика подсказывает, что законы первичны самой природы, следовательно, она не вечна. В противном случае утверждение, что природа сама для себя создала законы, будучи вначале неразумной и неживой, выглядит абсурдным. Ведь закон есть некое предписание относительно того, как что-либо должно быть или происходить, что подтверждает его первичность и целевую определенность (целесообразность).

Наше заблуждение заключается в том, что мы готовы принять за истину мнение заслуженных деятелей науки, сформировавших советскую криминологию, доставшуюся нам по наследству. Между тем их мнения, оформленные в научную теорию, иногда с явной очевидностью противоречат и криминологической науке в целом, и природе личности преступника в частности.

Возьмем к примеру внедрение в криминологию трехуровневое объяснение преступности и ее причин. Это представление позиционируется и в сегодняшней постсоветской криминологии. Авторы одного из учебников пишут: «Задачей криминологии является изучение причин преступности в целом как явления (на уровне общего), причин отдельных видов преступности, например рецидивной преступности,

преступности несовершеннолетних (на уровне особенного) и причин конкретных преступлений (на уровне отдельного, единичного)» [8, с. 221].

Советским криминологом, создавшим эти поэтажные уровни из философских категорий марксизма «общее», «особенное» и «единичное», были они необходимы для того, чтобы представить преступность как самостоятельное явление, развивающееся в силу собственных социальных причин, при этом авторы умышленно не упомянули саму личность преступника. Именно устранение при построении коммунизма внешних детерминант, по мнению классиков марксизма, приведет и к отмиранию преступности. Но эта очевидная нелепость (потому что в этой схеме на уровне «общего» и «особенного» отсутствует истинный продуцент преступлений – человек), тем не менее, удовлетворяла партийных идеологов, поэтому определенная группа советских криминологов была удостоена не только научных званий, но и Госпремии.

Согласно категориям «общее» и «особенное» они разделили криминологию на две части: общая (или теоретическая) часть изучает преступность как явление, детерминируемое собственными причинами; и особенная (практическая) часть, которая посвящена изучению отдельных видов преступности. Полагаю, что пора отказаться от терминологии «общая» и «особенная» части, тем более что последнее, с точки зрения русского языка, тождественно слову «необыкновенная». Постсоветская криминология должна быть представлена двумя частями – теоретическая и практическая, что соответствует логике мышления.

Но что любопытно, согласно этим философским категориям марксизма советские криминологи предложили также изучать и личность преступника. В одном из учебников по криминологии утверждается, что «изучение личности преступника должно осуществляться на трех основных уровнях, соответствующих диалектическим категориям общего, особенного и единичного» [9, с. 99].

Однако авторов этого направления изучения преступности и ее причин, а также личности преступника ждет разочарование, ибо диалектический материализм категориями «общее» и «особенное» обозначил признаки предметов объективной действительности. Следовательно, таких самостоятельных образований в природе не существует. «Диалектический материализм решительно выступает против всякого превращения всеобщего (*или общего – ремарка Е.Ж.*) в независимую реальность» [10, с. 91]. В другом источнике отмечается: «То, что отличает сравниваемые предметы друг от друга, составляет особенное, то же, что указывает на их сходство – общее» [11, с. 253].

Отсюда следует, что внешний мир состоит из единичных, отдельных вещей и предметов, и каждый из них неповторим, чем-то отличается от других материальных образований. В этом смысле единичное всегда выступает как особенное, поскольку особенный признак, будучи присущим только данному материальному предмету, отличает его от любых других материальных предметов. То есть в природе не существует таких образований, как «всеобщее» («общее») и «особенное», так как она наполнена единичными материальными образованиями (вещами и предметами), обладающими общими и особенными качественными признаками.

В этой связи еще раз отметим, что реально существуют только отдельные преступления и личности преступников. Общая, как и особенная преступность, можно сказать, представляет собой плод мыслительной деятельности конкретных криминологов и существует лишь в их воображении (фантазии). По словам В.И. Ленина, «в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее... есть известный кусочек фантазии» [12, с. 78].

В этой связи так называемой «научный» атеизм, являющийся точкой зрения отдельных криминологов, тоже является воображением, так как он есть лишь их предположение. Точка зрения атеистов, что мир не сотворен, а вечно существует, есть не научно доказанная истина, а совершенно вненаучное мнение.

И так называемый дарвинизм, признающий, что человек посредством эволюции развился из низшего вида животных, а не является продуктом творческого акта Всевышнего, оказался только предположением, гипотезой, уже безнадежно устаревшей и для науки. Эта гипотеза признана противоречащей не только Библии, но и самой природе, которая ревниво стремится сохранить чистоту каждого вида.

Между прочим, будет к месту отметить, что Дарвин, утверждавший происхождение человека от обезьяны, к концу своей жизни отрекся от своего заблуждения и покаялся перед Богом.

Кстати, в криминологическом учении о преступнике, если в основу положить дарвиновскую идею о происхождении человека от обезьяны, криминологам легче было бы обосновать атавизм криминальных деяний, сославшись на рудименты исчезнувших или переродившихся в человека обезьян. Однако эта идея никому не приходит в голову, так как религиозные криминологи понимают, что нельзя объяснять различные формы криминального поведения ни сомнительной концепцией происхождения человека, ни экономико-социальной формой общественных отношений, так как здесь лежат глубинные причины, связанные с трихотомической системой человека, состоящего из тела, души и духа. В этой связи можно сказать, что человек состоит из двух субстанций: биологического материального тела и одухотворенной души, которая покидает после смерти человека его тело.

Человек духом может познать Бога, душой познает себя, а телом познает окружающий его мир. Именно телом (плотью) человек не только познает окружающий мир, но им он в основном и грешит, совершая различные преступления. Человеческим телом дирижирует разум, значит, и деяния, в том числе и правонарушающие, совершаются не без его участия. Кроме того, через определенные разделы мозга управляет телом и душа (или бессознательное).

Чтобы познать человека, совершившего преступление, нужно понять его разум и биологические регуляторы – потребности, интересы, стремления, выражаемые через чувства и мотивы. Мотивы имеют двойственную природу: во-первых, они подготавливают организм к определенному поведению; во-вторых, они влияют на восприятие человека, на его действия и чувства, обуславливая приоритет одних из них над другими, и его действия или по направлению к цели, или, наоборот, от нее.

А теперь спросим: сможет ли криминолог дать хотя бы приблизительно верный ответ на вопрос: что же сыграло решающую роль на пути движения конкретного человека к совершению преступления? Пожалуй, эта задача не по силам даже научному коллективу Института мозга человека, если до сих пор наука о мозге не дала разъяснений, как осуществляется мышление. Нет даже уверенности, что оно обеспечивается исключительно нейронами и нервными импульсами, без привлечения к участию каких-то мифических, духовных сил. Такое предположение высказала академик Н.П. Бехтерева в интервью для телевидения «Останкино» 9 января 1994 г.

Сложность, а может вообще бесперспективность, решения криминологической проблемы, связанной с познанием личности преступника, заставляет криминологов искать иные средства, чтобы хоть как-то оптимизировать это основное направление в науке криминологии. Когда осмысливаешь слова Августина Блаженного: «Если бы я только увидел себя, я бы увидел Тебя», свидетельствующие, что человек в своей сущности непознаваем, как и Бог, то недостижимость познания метафизической личности человека становится очевидной.

Мы знаем, что вещественный мир познается на основе человеческого опыта при помощи естественных наук. Но криминолог не может познать на основе лишь своего опыта и юридических знаний развитие поведенческой установки человека совершить преступление. В этой связи он обращается к знаниям гуманитарных наук (антропологии, биологии, психологии, генетики, психиатрии), и в том числе к христианской антропологии и православной психотерапии. Конечно же, никакого разговора о «христианской криминологии» не может быть по существу. Ведь христианское учение по своему назначению стоит выше, чем любая материалистическая отрасль знаний, так как оно основывается на пророческом слове, «которое ... никогда не было произнесимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1:19,21). Поэтому вопрос о взаимодействии науки (в том числе и криминологии) с религией должен интересовать в первую очередь науку вообще и криминологию в частности. И вот почему. Христианская религия свидетельствует, что человек извращается по собственной своей свободной воле. Его никто к этому насильно не принуждал ранее (имеется в виду совершение первородного греха в раю) и не принуждает сейчас. Тем более, что в раю не было для этого даже каких-либо способствующих внешних обстоятельств, которые наблюдаются сейчас в значительном количестве, что создает иллюзию объективных социальных причин, порождающих преступность.

Криминологию должны интересовать не только Божественное откровение и произведения святых отцов церкви, свидетельствующие о причинах греховной (можно сказать и преступной) сущности самой природы человека. В этом смысле каждый

человек обладает внутренней потенцией (возможностью) совершить преступление, которое является тяжким грехом.

Хотя человек потенциально может совершить преступление, но это не значит, что каждый индивид готов при определенных условиях его совершить. Поэтому трудно согласиться с категорическим выводом некоторых криминологов, что человек не может быть без преступления. Следуя этому вердикту, нужно тогда и признать безвыходность человеческой сущности. Но это ошибочное мнение. Именно Божественное откровение свидетельствует, что Творец наградил человека свободой воли, перед которой сам замирает. Но о ней почему-то ни один криминолог не говорит. А человек благодаря свободе воли способен самостоятельно ограничивать себя в своих потребностях и желаниях, довольствоваться малым и смиренно переносить посланные Господом Богом тяготы и лишения мирской жизни.

Но причины преступного поведения не только не лежат в плоскости социальной среды, они также и не исходят из телесной оболочки человека, но только из его духовной субстанции. Человек именно греховным поведением перманентно подвергает себя духовной деградации, что в конце концов может привести его к таким апокалипсическим действиям, которые уничтожат все живое на Земле, ведь необходимыми средствами для этого он располагает.

Идея о несовместимости и даже враждебности религии для науки была одним из идеологических штампов официальной атеистической пропаганды в период политизации криминологии, когда диалектический и исторический материализм был государственной доктриной и насаждался в обязательно-приказном порядке во все программы учебных заведений.

Но русская Церковь никогда не вела борьбы с материализмом. По этому поводу еще философ И.В. Киреевский в первой половине XIX в. писал: «Наша Церковь никогда... не запрещала свободное развитие мысли... не преследовала их, как опасных врагов, могущих поколебать ее основу» [13, с. 299-300]. Это советская идеология боролась с религией и христианской наукой, но этот период, к счастью, закончился с принятием Конституции Российской Федерации. Но мысль о враждебности и вредности религиозных знаний для некоторых криминологов, участвовавших в формировании советской криминологии на диалектических принципах марксизма, по известным причинам остается непоколебимой и сейчас.

Однако полные знания о человеке грешном и преступном, опытным путем все равно не приобретешь. Наука криминология является попыткой человеческим разумом осмыслить реальность. Активность и результативность здесь полностью зависит от криминолога-исследователя. При применении религиозных знаний криминологом активность на стороне Божества. Благодаря лишь милости Бога может открыться верующему ученому то, что выше человека [14, с. 18-19].

Теперь обратимся к вопросу о том, есть ли что-нибудь общее между научной и религиозной верой. Не пытаюсь раскрыть все богатое содержание сути религиозной веры, сосредоточим свое внимание на ее гносеологическом аспекте. Прежде всего приведем слова святого апостола Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 1:1). Это и все другие высказывания святых отцов о вере свидетельствуют, что она есть особый вид сверхрассудочного познания, которое направлено на мир невидимый и имеет своим основанием благодать Божию.

В этой связи можно сказать, что религиозная вера – это мистическая интуиция. (Хорошо известна роль научной интуиции, природа явления которого до сих пор остается неясной. По выражению А. Эйнштейна, она является «свободным творением человеческого духа»). Своим предметом она имеет «мир невидимый». Мистическая интуиция – это созерцание мира невидимого, его тварного бытия или благодати Бога, в котором происходит внезапное нерассудочное погружение сознания в предмет интуиции (или предмета интуиции в сознание) вплоть до единения с ним.

То же самое можно сказать и о научной интуиции, отличие лишь сводится к предмету, на который направлена интуиция. А суть ее одна: внезапное нерассудочное целостное восприятие предмета, в котором происходит неслиянное соединения сознания и этого предмета. Поэтому можно говорить о мистической интуиции в обоих случаях: и когда она направлена на мир невидимый, и когда она имеет своим предметом мир видимый [15, с. 49].

Научный (рационалистический) способ познания, можно сказать, дошел до своих «геракловых столпов», не позволяя ввести в сферу человеческого познания духовное

бытие и абсолютное бытие Бога, тем самым проявляется синдром духовного дальтонизма. Однако можно сказать, что никакая научная апология (в смысле предвзятого восхваления какой-либо единственной теории или метода исследования) не может сделать излишним подвиг христианской веры, который вдохновляет не только и не столько доказательствами, не только разумом, но прежде всего дерзновением воли и озарением сердца.

Таким образом, как во всех естественных науках, вера предваряет знание, а опыт затем подтверждает веру. Так и в религии вера, исходя из глубоко интуитивного чувства Бога, приобретает свою силу только в непосредственном личном опыте его познания.

Религия и криминология – две принципиально разные области человеческих знаний, у них разные исходные посылы, цели, задачи, методы. Эти сферы могут соприкасаться, пересекаться, но, как видим, не опровергать одна другую.

Однако развиваясь независимо от духовно-нравственных принципов христианства и в то же время открывая огромные возможности воздействия на окружающий мир и на самого человека, наука легко становится орудием разрушения, а не средством духовного возвышения. «Ум должен соблюдать меру познания, чтобы не погибнуть» (святой Каллист Катафигиот). Эти слова могут стать квинтэссенцией данной статьи, ибо рациональный путь познания не может раскрыть всей глубины метафизической души человека (личности), совершившего преступление. Он может только увести от истины, как это произошло с советскими идеологизированными криминологами, позиционирующими изучение личности преступника на трех уровнях, соответствующих диалектическим категориям «общее, «особенное» и «единичное», против двух первых, как оказалось, выступали в первую очередь апологеты диалектического материализма.

Заканчивая разговор не эту деликатную тему, очень важно сохранить мир и взаимопонимание между учеными различных конфессий, а также между учеными верующими и атеистами. В этой связи можно привести слова великого ученого-физиолога, первого русского лауреата Нобелевской премии И.П. Павлова, обращенные к коллегам-ученым. Он напутствовал их такими словами: ученый обязан быть скромным и никогда не думать, что он все знает. И как бы высоко ни оценивали вас, всегда нужно иметь мужество сказать себе: «Я невежда». И тогда гордыня не овладеет этими учеными.

Но на поставленный вопрос пусть каждый криминолог сам даст себе ответ.

Список источников.

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
2. Там же.
3. Цит. по: Иннокентий (Павлов). Учение С.Н. Булгакова об общественном идеале // Мос. правда. 1999. 29 мая.
4. Шабуров Н.В. Вольтер // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. IX.
5. Дронов М.; протоиерей. Наука: враг или друг веры? // Альфа и Омега. 2008. № 2 (52).
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18.
7. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. – М.: Политиздат, 1963.
8. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов [и др.]; под ред. Г.А. Аванесова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
9. Криминология и профилактика преступлений: учебник / Под ред. А.И. Алексеева. – М.: МВШМ МВД СССР, 1989.
10. Материалистическая диалектика: Краткий очерк теории / П.Н. Федосеев, И.Т. Фролов, В.А. Лекторский [и др.]. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1985.
11. Диалектический материализм: учеб. пособие / Под ред. А.П. Шептулина. – М.: «Высш. школа», 1974.
12. Философский словарь...
13. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: «Наука», 1990.

14. Касатиков А.; протоиерей. К вопросу взаимодействия религиозного и научного познания // Православное осмысление творения мира и современная наука. Вып. 4. – М., 2008.

15. Тайнов Э.А. Трансцендентальное. Основы православной метафизики. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом «Парад», 2007.

Информация об авторе:

About the author:

Е.С. Жигарев, профессор кафедры криминологии, Почетный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН)

E.S. Zhigarev, Professor of the Department of Criminology, Honorary Member (Academician) of the Russian Academy of Natural Sciences

Статья поступила в редакцию 21.02.2025